

Шагнув внутрь, Булгаков сам не заметил, как принялся разглядывать всё вокруг.

Больница выглядела пугающе чистой. Все острые углы и выступы были заботливо обернуты мягким поролоном. На окнах темнели массивные решетки. Из-за одной такой решетки на него пристально, не мигая, смотрели чьи-то широко раскрытые глаза. Этот взгляд казался застывшим, безжизненным.

Булгакову почудилось, будто он очутился в сумасшедшем доме.

Хотя почему почудилось? Это и была самая настоящая лечебница для умалишённых.

Кто же заправлял этой обителью скорби? Тот, кто шёл впереди, или же он был лишь послушным исполнителем чужой воли?

Впрочем, какая разница. Булгаков просто следовал за Азazelло. Они шли прямо, сворачивали то влево, то вправо, минуя бесконечные переходы. В полумраке палат ему мерещились странные картины: небритый оборванец; утончённый юноша дворянской наружности, судорожно сжимающий в руке перо; измученный пациент с тяжелыми цепями, продетыми прямо сквозь ключицы; длинноволосая женщина, рыдающая в углу в обнимку с собственной тенью...

Но стоило моргнуть, как палаты за стеклянными дверями оказывались абсолютно пустыми.

— Азazelло, куда мы идём?

— В приемную для гостей.

Странно: Булгаков никак не мог разглядеть лица своего спутника. Тот шёл, низко опустив голову, так что виден был лишь нечёткий контур упрямого подбородка. Михаил тихо вздохнул, но не отстал ни на шаг.

В коридорах царил гулкая тишина, эхом отзывавшаяся на каждое движение. Здание казалось небольшим снаружи, но внутри поражало какой-то противоестественной, бесконечной пустотой.

Впрочем, эта мысль растаяла так же быстро, как и появилась.

Наконец они остановились. Комната, в которую они вошли, совершенно не походила на больничную палату. В оформлении преобладали вызывающие золотые и багровые тона. Когда дверь распахнулась, Булгакову на миг показалось, будто он переступил порог иного мира.

— Прошу, присаживайтесь.

Голос проводника выдернул его из раздумий.

Азazelло неторопливо снял один за другим слои заплесневелой ткани, укрывавшей глиняный кувшин. В воздухе поплыл дурманный, сладковатый аромат. Запах был настолько густым и манящим, что у гостя мгновенно пересохло во рту.

Ловкое движение — и в кубках заплескалась влага.

Булгаков даже не заметил, как это произошло. Его взгляд прикипел к кувшину, а горло судорожно сжалось. Лишь хорошее воспитание удерживало его от того, чтобы вырвать сосуд из рук хозяина.

К нему пододвинули кубок. Налитое в него вино отливало вызывающим, живым багрянцем, до ужаса похожим на свежую кровь.

Напиток оказался сущим ядом. С первым же глотком горло обожгло нестерпимым жаром.

Булгаков, не колеблясь, осушил кубок до дна. Огненный ком прокатился по пищеводу и рухнул в желудок, грозя испепелить всё его естество.

Однако Азazelло не спешил убирать кувшин и тут же наполнил кубок снова.

Станный тип. Одет прилично, а возится с этой грязной, покрытой вековой пылью посудой и брезгливости не выказывает.

— Хорошее старое вино пыли не боится, — раздался спокойный ответ.

Булгаков похолодел, сообразив, что нечаянно произнёс свои невежливые мысли вслух. Лицо его залила краска смущения. Он пробормотал что-то невнятное, поспешно уткнулся в кубок и махом осушил его, пытаясь скрыть неловкость.

— Это мой подарок тебе, — произнёс Азazelло.

На его губах заиграла лукавая ухмылка, которой гость, увы, не заметил.

Словно в дурмане, Булгаков пил кубок за кубком, пока весь мир перед его глазами не окрасился в багровые тона.

"Что-то здесь не так..."

Отрезвление пришло слишком поздно. Он горел — изнутри, по-настоящему.

Осознав это, Михаил в ужасе вскочил со стула. Вскинув голову, он увидел, что его собеседник сбросил человеческую личину — на его месте стояло жуткое создание с крутыми закрученными рогами.

Булгаков заметался по комнате, ища спасения, но преследователь настигал его повсюду. В какой-то момент он понял, что сам превратился в живой факел. Всё, к чему он прикасался, мгновенно вспыхивало и осыпалось серым пеплом. Чем быстрее он бежал, тем яростнее разгоралось пламя.

Давешний тихий коридор наполнился зловещим треском и шипением пожирающего плоть огня. Ощущение было такое, словно по позвоночнику легионами поползли раскалённые муравьи, рождая в груди удушливую, дикую панику.

— Зачем ты преследуешь меня?! Прочь! Убирайся!

Наконец огонь добрался до разума. Волосы оставались целы, но пламя нещадно пожирало его память.

— Стойте! Только не это! — взмолился он.

Булгаков вытаращил глаза, обхватил голову руками и в предсмертной тоске повалился на пол. Первыми в бездне небытия сгнули самые ранние детские воспоминания: ледяная вода крещения, стекающая по макушке, его собственный младенческий лепет и далёкий, счастливый смех родных.

Затем пришёл черёд школьных лет. Разговоры с гимназическими товарищами, весёлые потасовки на переменах... Все эти образы блекли, словно пролитые на бумагу чернила под проливным дождём. Их было не удержать.

Следом растаял образ отца и воспоминания о врачебной практике. Резкий, чистый запах карболки и иодоформа выветрился без следа. Впрочем, от медицины он и так отказался совсем недавно, уступив давлению внезапно пробудившейся эсперской способности.

И вот огонь подобрался к самому главному: к его знаниям, написанным строкам и планам на будущее. Всё это превращалось в сухой хворост, пожираемый ненасытным пламенем, оставляя после себя лишь бесформенные уголья.

"Я не могу это отдать! Ни за что!"

Ведь именно эти разрозненные кусочки прошлого и составляли его суть. Без них он превратился бы в пустое место.

Стиснув зубы, Булгаков поднялся на колени. Цепляясь за стены, он побрёл вперёд, тщетно

надеясь отыскать хоть каплю воды, способную унять этот адский огонь. Но кругом царила мёртвая, высушенная пустота.

Михаил безумно повёл глазами и обернулся. Поодаль, равнодушно скрестив руки, стоял Азazelло.

— Добро пожаловать в нашу обитель, новый пациент, — проговорил рогатый, протягивая к нему ладонь.

На его лице застыла глумливая, издевательская ухмылка, удивительно похожая на улыбку одного знакомого дьявола. Но Азazelло явно не доставало истинного величия, и от этого его гримаса казалась лишь жалкой и отвратительной.

— Я не стану вашим пациентом, — прохрипел Булгаков.

Кого он видел в тех палатах? Несчастных безумцев, растерявших собственное «я». Марионеток, запертых в четырёх стенах и механически повторяющих заученные движения, смысла которых они уже не помнили.

Больше всего на свете Михаил страшился превратиться в такое же безвольное чучело.

— Отчего же? — с притворным удивлением спросил Азazelло, делая шаг вперёд.

Хозяин велел ему выжечь разум этого строптивца, превратив его в послушного дурачка, и отступить он не намеревался.

С резким звоном Азazelло обрушил глиняный кувшин на каменные плиты. Разлившееся зелье вспыхнуло с новой силой, подпитывая бушующий пожар. Сам же демон стоял в самом центре пекла, и огонь не причинял ему ни малейшего вреда.

Бесплатного сыра не бывает, и глупо было рассчитывать на бескорыстное гостеприимство в подобном месте. Разве что хозяин заведения — сам Господь Бог или Пресвятая Дева.

Но передо мной стоял явно не Спаситель.

— Потому что я — это моя память! Я не предам себя!

В груди заклокотала неведомая ранее, дикая сила. Она требовала немедленного выхода, взывая к глубоко запрятанному бунтарскому духу писателя.

Булгаков перестал метаться. Размахнувшись, он высадил оконное стекло тяжелым стулом и

взобрался на подоконник.

Под ошеломлённым взглядом демона Михаил, сам того не осознавая, выкрикнул имя: «Воланд!», и ринулся прочь из душной клетки.

Вместе с осколками наружу вырвался и сам беглец. В лицо ударил прохладный ночной ветер, остужая горячий лоб и унося остатки жара.

За окном расстилалась глухая, непроглядная мгла. Бездна под ногами казалась бесконечной, точно сотни невидимых рук тянулись оттуда, поджидая добычу. Любой разумный человек пришёл бы в ужас от одного взгляда вниз. Один неверный шаг — и конец.

Ему следовало бы дрожать от страха, но перспектива лишиться рассудка и прозябать в сладком беспмятстве пугала его куда сильнее физической гибели. Пусть падение сулило смерть, но в это последнее мгновение он оставался самим собой.

"Я знаю, что должен быть как все. Покориться обстоятельствам, признать реальность и выкинуть из головы глупые фантазии"

"Но если я сделаю это, моя жизнь превратится в пустую фальшивку, даже если внешне всё будет благополучно"

Пусть окружающие считали его гордецом, он не желал мириться с участью обывателя.

— С какой стати я должен признать себя посредственностью?! — в ярости закричал он в пустоту. — Пусть мои труды не принесли мне славы, но никто, слышите, никто не смеет красть мои мысли!

Он сорвался на хриплый, безумный смех. В этот миг, объятый угасающим пламенем, он выглядел куда страшнее любого выходца из преисподней.

В нём жила слепая, яростная вера в собственное предназначение, пускай эта гордыня до сих пор находила выход лишь в редких строчках на клочках бумаги.

Что ж, он действительно был безумцем. Но не из тех, кого держат в палатах с мягкими стенами.

Булгаков внезапно осознал это, и в груди у него разлилась удивительно мягкая, весенняя теплота, точно в сухую землю упало первое живое зерно.

Да, он не такой, как все. Но этот колючий, неудобный и гордый юноша был ему бесконечно дорог.

"Нужно прыгать. Только так я спасусь"

Михаил отвернулся от демона, не желая тратить больше ни слова.

Секунда — и земное притяжение увлекло его вниз, навстречу жесткой земле. Он мысленно приготовился к страшному удару и неминуемому увечью, но судьба распорядилась иначе.

Ни боли, ни падения не последовало.

Из темноты соткался могучий вороной пегас. Подхватив беглеца на широкую спину, крылатый конь взмыл в ночные небеса, оставляя за собой искрящийся серебряный след на фоне грозových туч — безмолвный триумфальный росчерк победителя.

Выше, ещё выше...

Казалось, протяни руку — и на ладонь упадут холодные звёзды.

Пегас плавно опустился на каменную террасу величественного готического замка. Склонив изящную голову, он позволил всаднику спешиться и тут же растаял в воздухе, точно утренний туман.

— Что ж, весьма недурно. Первый пошёл, — раздался вкрадчивый голос.

Господин В стоял неподалёку, посмеиваясь и негромко аплодируя. В эту минуту он походил не на грозного повелителя тьмы, а скорее на праздного зрителя, искренне радующегося счастливому финалу чужой драмы.

— Первый... кто? — Булгаков растерянно моргнул, обнаружив, что его одежда и волосы усыпаны разноцветным конфетти.

— Первый безумец, решившийся на бунт, — улыбнулся Господин В.

Он отложил в сторону шутовскую хлопушку и ухватился за тонкую, почти невидимую нить, уходящую в зенит. На другом её конце покачивался узкий серп молодой луны. Мужчина с усилием потянул за верёвку, и ночное светило послушно развернулось, явив миру сияющий полукруг.

Внизу, во мгле, стало капельку светлее.

— Подобное мужество действительно заслуживает награды, — раздался неторопливый, глубокий голос.

Господин Толстой аккуратно сложил газету и негромко похлопал в ладоши. Поднявшись, он вежливым жестом пригласил потрясённого Булгакова занять свободное кресло, предлагая присоединиться к их уединённой ложе и досмотреть представление вместе.

— Строго говоря, пари я уже выиграл, — протянул Господин В. Он развернул своё кресло и слегка качнулся вперёд; ножки мебели противно заскрипели по каменным плитам. — Но почему бы не устроить дополнительный раунд?

— И каковы условия? — поинтересовался Толстой.

— Сколько ваших подопечных сумеет выбраться из морока, столько раз я окажу вам услугу. Идёт?

— Договорились, — спокойно согласился Толстой. Подобный расклад его более чем устраивал — в любом случае он оставался в выигрыше.

Господин В налил Булгакову чашку крепкого чая. Сейчас он держался непривычно серьёзно, без своего обычного паясничанья. Очевидно, недавний отчаянный поступок гостя заставил его пересмотреть своё отношение.

Неважно, кем был этот юноша на самом деле — непризнанным гением или обыкновенным упрямым. Одной лишь безумной отваги, с которой он разнёс оковы иллюзии, хватило, чтобы заслужить уважение древней силы.

Возможно, именно в этот миг эсперская способность впервые по-настоящему признала своего носителя.

— Что ж, поглядим, кто окажется следующим счастливымчиком, — промолвил Господин В, устремив взор вниз.

Глядя на притихшего дьявола, Булгаков понемногу успокоился. Дрожь, бившая тело при подъёме на террасу, утихла, а липкий страх бесследно испарился.

"Надо же... А ведь мне почудилось, будто он всерьёз хотел меня убить. Наверное, просто разыгралось воображение"

Михаил шумно выдохнул облачко пара и принялся жадно пить целебный отвар. Чай прекрасно унимал внутренний жар, и за этим занятием писатель совершенно упустил из виду тень разочарования, промелькнувшую на лице Господина В.

"Эх, не сгорел дотла..."

Господин В задумчиво посмотрел вниз, лениво сгибая пальцы правой руки. Сквозь прожжённую ткань чёрной перчатки на миг блеснули голые белые кости. Он вспомнил своего верного подручного Азазелло и ту адскую смесь, способную выжечь человеческую душу до основания.

В его планы входило превратить Булгакова в безвольный овощ. Тогда бы он избавился от ограничений, накладываемых связью с эперской способностью, и смог наконец отправиться в свободное странствие.

В конце концов, даже если эпер не пользуется своей эперской способностью, сама связь намертво приковывает сущность способности к носителю.

И пускай Господин В мысленно сокрушался о сорвавшемся замысле, предпринимать новые попытки он не спешил. Частично из-за присутствия молчаливого наблюдателя напротив, но главным образом потому, что характер этого мальчишки показался ему забавным.

"Ладно уж. Человеческий век недолог — от силы сотня лет"

За эту сотню лет он вполне успеет вдоволь налюбоваться тем, как идеалы этого юноши разбиваются о суровую реальность. А после вернётся в преисподнюю и расскажет знатную историю тамошней публике.

Что ж, вы заслужили мимолётное признание самого дьявола, дорогой господин Булгаков.

Толстой внимательно следил за этой немой сценой, мысленно занося имена Булгакова и Господина В в свой секретный список.

Ему казалось, что его Специальному отделу по делам эперов остро не хватает столь колоритных и сильных фигур. Если Булгаков сумеет обуздать свою эперскую способность, мощь Господина В сослужит отличную службу общему делу.

Похоже, едва весь этот кавардак уляжется, господин Толстой нанесёт молодому человеку весьма многообещающий визит.

— Позвольте... Что это?! — вырвалось у Булгакова, когда Толстой любезно протянул ему свежий номер газеты.

Михаил пробежал глазами по заголовкам и замер от изумления.

Судя по репортажам, его коллеги по литературному цеху внизу вели себя совершенно непостижимым, диким образом, мало похожим на их привычный чинный облик.

<http://bllate.org/book/18256/1755712>